

Как правило, заветную букву «А» перед именем в контактах ставят только для самых близких людей — чтобы их профили всегда висели в самом верху списка. Простой сосед по комнате на эту роль явно не тянул, тем более если сразу после «А» красовалась пометка «Милашка».

Стоило Чжоу Цыбаю увидеть эту запись, как сердце у него ухнуло куда-то в пятки, пальцы сами собой сжались в кулаки, а дыхание на мгновение перехватило.

Гу Цзицин же оставался абсолютно невозмутим. Он спокойно продолжал принимать файлы, скачивать их, сохранять копии и пересылать дальше прямо на глазах у соседа — настолько дерзко и естественно, словно в двусмысленном имени контакта не было ничего необычного.

Из-за этого Чжоу Цыбай даже усомнился, не перебарщивает ли он со своими догадками. Успевшие слететь с языка вопросы пришлось с трудом затолкнуть обратно.

Гу Цзицин даже не заметил бушевавшей в душе соседа бури. Заполнив бланки, он поднял взгляд:

— Ты умеешь мыть крупных собак?

Чжоу Цыбай, уже несколько раз порывавшийся что-то сказать, сдержался и строго буркнул:

— Умею.

— Ну и отлично, начинаем.

Тон Гу Цзицина нельзя было назвать ни холодным, ни чересчур приветливым — привычная мягкая спокойность. Едва договорив, он полностью переключился на подопечного из приюта.

Чжоу Цыбай тут же решил, что тот не питает к нему абсолютно никаких чувств.

Впрочем, размышлять об этом долго не пришлось.

Огромный чёрный волкодав, которому какой-то шутник-смотритель дал кличку Сяобай, при виде гостей принялся остервенело лаять сквозь прутья клетки. Он скалился и рычал так свирепо, словно готов был вцепиться в любого, кто дерзнёт к нему притронуться.

У Чжоу Цыбая имелся опыт обращения со строптивыми псами, и он уже собирался попросить у сотрудников инвентарь, когда Гу Цзицин взял немного лакомства, присел на корточки вровень с собакой и тихо позвал:

— Сяобай.

Волкодав замер, скребя передними лапами землю. Пёс гордо задрал морду, продолжая оскаливаться и настороженно следить за человеком — всем своим видом показывая, что экое благородное создание ни за что на свете не покорится двуногому.

Спустя пять минут тот же самый «благородный» пёс умильно ластился у ног Гу Цзицина, охотно подставляя шею под ярко-розовый защитный воротник.

Когда Чжоу Цыбай попытался вставить ему в уши ватные тампоны, кобель жалобно взвизгнул и вознамерился дать дёру. Но стоило Гу Цзицину мягко провести ладонью за ушами, как пёс тишайше заскулил, послушно улёгся обратно и во время мытья от удовольствия аж глаза зажмурил.

Наблюдавший за этой дрессировкой Чжоу Цыбай потерял дар речи.

Отчего-то происходящее казалось ему до боли знакомым. И вообще, какой это свирепый волкодав? Обычный любитель красивых лиц! Гу Цзицин и пальцем толком не пошевелил, а тот уже стелется.

Никакой гордости!

Чжоу Цыбай и сам не понимал, на кого злится больше — на пса или на кого-то другого, но во время мытья от души крутанул шерсть на собачьем брюхе. Сяобай взвизгнул, замахал хвостом, и мыльная пена полетела во все стороны, обильно оросив обоих парней.

Чжоу Цыбаю, добровольно вызвавшемуся отмывать псу задницу и лапы, досталось больше всех. В отместку он крутанул хвост ещё пару раз, а волкодав повернул голову прямо к его лицу и рьяно закрутил ушами, разбрызгивая мыльную воду. Чжоу Цыбай оказался залеплен пеной с ног до головы и тут же ответил новым шлепком.

Человек и собака сцепились не на шутку: играли без поддавок, смеривая друг друга свирепыми взглядами.

Гу Цзицин, которому тоже перепало немного пены, мысленно отдал должное соображалке Чжоу Цыбая: не будь парень настолько зажат рамками образцового красавчика, он бы наверняка уже залаял в ответ.

Впрочем, ничего удивительного.

Псы — они и есть псы.

Спокойно понаблюдав за ребячеством двух «больших псов» минут десять, Гу Цзицин наконец произнёс:

— Сходи за чистой водой.

— А, да, сейчас.

Успев за время потасовки додраить задние лапы волкодава, Чжоу Цыбай вдруг сообразил, как глупо выглядел со стороны. Он мгновенно напустил на себя невозмутимый вид и со всей строгостью поднялся на ноги.

Но Сяобай только вошёл во вкус! Решив, что соперник спасается бегством, пёс оттолкнулся задними лапами, намереваясь броситься вдогонку.

Да вот беда: оттолкнулся он прямо от края таза. Под тушей под сорок килограммов емкость мгновенно накренилась в сторону Чжоу Цыбая.

Видя, что вся мыльная жижа сейчас хлынет на спину соседа, Гу Цзицин поспешно надавил на противоположный борт.

Но волкодав уже совершил свой прыжок. Противовес исчез, таз перевернулся, и поток ледяной воды вперемишку с пеной обрушился прямо на Гу Цзицина.

Пуховик мгновенно намок и отяжелел, словно налился свинцом, с чёлки закапала вода. Хотя они находились под навесом и явного мороза не ощущалось, Гу Цзицин тут же болезненно побледнел.

Услышав шум, оба «пса» одновременно оглянулись. Разглядев, что стряслось, они дружно бросились к Гу Цзицину.

Виновник переполоха Сяобай закружился на месте, виновато заскулив.

Чжоу Цыбай же без лишних слов, не давая юноше опомниться и возразить, сдёргнул с него мокрый пуховик, сбросил собственную теплую куртку и наглухо закутал в неё Гу Цзицина, прижав к себе.

Гу Цзицин качнулся, чуть не врезавшись лбом в подбородок соседа.

Считая, что тот перегибает палку, он хотел сказать, что всё в порядке, но мир перед глазами померк: Чжоу Цыбай с головой нахлобучил на него капюшон и через ткань уверенно, но бережно растирал его волосы.

Над головой раздался глубокий, собранный бас:

— Я отвезу Гу Цзицина назад. Недостающие часы волонтерства отработаю в следующий раз. Сяобай почти отмыт, помогите его досушить. Если что-то понадобится — звоните сразу мне.

Подбежавшая на шум Линь Цянь хотела было вмешаться, но осеклась.

Чжоу Цыбай одной рукой крепко обнимал Гу Цзицина за талию, другой придерживал капюшон, превратив сокурсника в непроницаемый кокон, а сам остался в одной темно-серой толстовке. Помявшись, девушка решила не лезть со своими советами и лишь протянула свой розовый термос:

— Хорошо, без проблем! Попойте его горячим, а то подхватит простуду.

Словно в подтверждение её слов, закутанный с головой Гу Цзицин тихонько чихнул.

Чжоу Цыбай подхватил термос и, действуя напористо, словно захвативший заложника налётчик, затолкнул Гу Цзицина в салон внедорожника. Он тут же врубил печку на полную, включил обогрев сидений и обдув.

Гу Цзицин хоть и выглядел хрупким, но считал себя взрослым парнем, имеющим за плечами пару лет секции тхэквондо, а потому не терпел слюней. Скинув капюшон, он тихо произнёс:

— Не суетись, подумаешь — пару капель попало. Ничего страшного.

— Ничего страшного?! Ты вообще понимаешь, что Пекин — это тебе не юг? Намокнуть зимой на улице — это же потом...

Чжоу Цыбай насупился, но не успел закончить фразу «точно свалишься с лихорадкой», как его телефон пиликнул.

На экране высветилось сообщение от Линь Цянь:

[Линь Цянь (Ассоциация волонтеров)]: Старший товарищ Чжоу, я тут подумала и всё же решила написать. Когда Сяобай перевернул таз, вода должна была ушатнуться прямо на вас. Старший товарищ Гу нажал на край, чтобы защитить вас, поэтому весь ушат достался ему...

[Линь Цянь (Ассоциация волонтеров)]: В общем, это всё. Остальное вы и сами понимаете.

На второе сообщение Чжоу Цыбай даже не обратил внимания. Первое отозвалось в его груди тяжёлым глухим ударом.

Значит, вода предназначалась ему? Гу Цзицин подставился сам, только чтобы спасти его?

Окатиться ледяной водой в такой мороз...

Да ещё с его-то хилым южным здоровьем.

Зачем Гу Цзицин это сделал?

Вспыхнувшая в уме догадка подступила к самому горлу. Чжоу Цыбай до белизны в костяшках сжал смартфон, не в силах разобрать бушевавший внутри шторм. Там смешались вина, самоедение и ещё какое-то неизведанное чувство — что-то внутри рухнуло, оставив тяжёлый, щемящий, но удивительно нежный след.

Гу Цзицин, глядя на то, как грозный сосед внезапно уткнулся в экран и застыл с калейдоскопом сложных эмоций на лице, недоуменно спросил:

— Так что «потом»?

— А? Да ничего, — опомнился Чжоу Цыбай. Спрятав телефон, он смущённо вылил на сокурсника порцию заботы: — Потом обязательно выпей лекарство, прими горячий душ и ляг спать. Не дай бог свалишься с жаром.

В его голосе прозвучала такая мягкость, о которой он сам и не подозревал.

Гу Цзицин лишь подметил, как снова вспыхнули мочки ушей соседа, и мысленно решил: «Ну, на этот раз точно от мороза».

Зима на севере и впрямь лютовала. Запахнувшись поплотнее в чужой пуховик, Гу Цзицин прижал кулак к губам и тихо закашлялся. Скромный «Лэнд Ровер Ранж Ровер» прибавил ходу, мчась по оттаивающим улицам Пекина.

Обычно эта дорога занимала минут сорок пять, но Чжоу Цыбай долетел за полчаса. Забыв про скромность, он заехал напрямик на территорию кампуса и затормозил у самого крыльца общежития.

Увлечённый игрой Лу Пин при виде ввалившейся пары от неожиданности сорвал с головы наушники:

— Офигеть! Четвёртый! Вы же на волонтерство уехали, откуда такой вид?! Гу-Гу, ты в порядке?

— Всё нормально, небольшая накладка. Сейчас помоюсь и буду как новенький, — с привычной

невозмутимостью отозвался Гу Цзицин, прихватил сухую одежду и скрылся в ванной.

Чэнь Цзи смерил взглядом пуховик на Гу Цзичине, потом посмотрел на Чжоу Цыбая, оставшегося в одной толстовке, и выразительно цыкнул:

— Четвёртый, ты, конечно, парень молодой, но в минус десять без куртки ходить — это перебор.

Доставая из аптечки лекарства, некогда купленные для него Гу Цзичином, Чжоу Цыбай буркнул:

— Не оставлять же его замерзать.

— Ого, Четвёртый, да ты учишься проявлять нежность! — обрадовался Лу Пин, искренне довольный подвижками в их отношениях.

— Не неси чушь, — моментально огрызнулся Чжоу Цыбай.

— Какая же это чушь? — подлил масла в огонь Чэнь Цзи. — Раньше, когда за тобой гей-парни ухлёстывали, ты вещи выбрасывал, если они к ним притрагивались! А тут сам куртку отдал. Неужто он тебя всё-таки покорил?

— Кто кого покорил? — сдвинул брови Чжоу Цыбай, со стуком распахнув шкаф. — Сколько повторять: у Гу Цзичина ко мне ничего нет. Хватит уже.

Слова прозвучали твёрдо и раздражённо.

Но никто не видел, как бешено заколотилось его сердце.

Потому что в эту секунду в памяти снова всплыли события последних дней.

Ладно, слова Гу Цзичина о намерении его «согнуть» были недоразумением, руководство — случайностью, а заявление, что тот не любит парней типа «больших псов» — правдой, Чжоу Цыбай был готов в это поверить.

Но как тогда объяснить тот нежный, прямой взгляд, когда Гу Цзицин благодарил его?

А сегодняшние слова о том, что ему всё-таки нравятся большие собаки?

А двусмысленная пометка в контактах? И сегодняшнее происшествие, когда тот без колебаний подставился под холодную воду, защищая его?

Чем больше Чжоу Цыбай об этом думал, тем сильнее путались мысли, а пульс ускорился.

И когда Чэнь Цзи со вздохом уронил: «Жаль, конечно...», Чжоу Цыбай отреагировал слишком бурно, мгновенно развернувшись:

— Чего это жаль?!

— А сам как думаешь? — с выражением «и ты ещё спрашиваешь» уставился на него сокурсник.
— Гу Цзицин красавец, с ангельским характером, чистюля, сам уборку делает, на матмоделировании собаку съел, да ещё и печенье печёт. Такой высококлассный парень — и не проявляет к тебе интереса? Это же потеря для всего нашего блока!

— Поддерживаю предыдущего оратора! — тут же кивнул Лу Пин.

Чжоу Цыбай потерял дар речи.

И чем Гу Цзицин их только опоил?

— И вообще, если Гу-Гу и ищет парня, то только такого, как ты, — сощурился Лу Пин с видом знатока. — Между вами прямо-таки витает особая химическая реакция.

«Какая ещё реакция...»

Чжоу Цыбай посчитал этот бред полной ахинеей. Выхватив из шкафа первую попавшуюся кофту, он с грохотом хлопнул дверцу:

— Насколько я помню, баллы за ЕГЭ по химии у тебя самые низкие в комнате.

— Чёрт! Чжоу Цыбай, не смей меня оскорблять! Теперь понятно, почему Гу-Гу на тебя даже не смотрит!

Не успел Лу Пин выплеснуть праведный гнев, как дверца ванной распахнулась.

Гу Цзицин вышел, вытирая полотенцем влажные волосы, и непринуждённо переспросил:

— На кого это я не смотрю?

Лу Пин онемел.

Чэнь Цзи замер.

Чжоу Цыбай вонзил в подстрекателя убойный взгляд.

Под смущёнными взорами друзей Лу Пин поспешно перевёл стрелки:

— Э-э... Гу-Гу, ты как себя чувствуешь? Может, выпьешь лекарство и ляжешь приляжешь?

Гу Цзицин никогда не загонял людей в угол и не стал давить, лишь понимающе кивнул:

— Нормально. Голова только немного гудит. Выпью простудное и посплю.

— Вот и ладненько! Пей и ложись, а мы с Чэнь Цзи уйдём к соседям в катку играть, чтоб не шуметь.

Договорив, Лу Пин подхватил ноутбук и, увлекая за собой Чэнь Цзи, вихрем испарился из комнаты.

Оставив Чжоу Цыбая наедине со смущением.

«Чёрт. За какие грехи мне достались эти двое?»

Как только дверь за ними закрылась, обстановка в комнате мгновенно сделалась двусмысленной.

Чжоу Цыбай не смел поднять глаз на сокурсника. Поспешно сунув ему таблетки, он буркнул:

— На, выпей и ложись. Я сегодня дома, если что понадобится — зови.

— Угу, спасибо.

Гу Цзицин не любил обременять других, но здоровье у него с детства оставляло желать лучшего. Любая простуда моментально перерастала в жар, во время которого он бредил, путая время, места и лица — совсем как при кошмарах.

Врачи разводили руками: мол, всё идёт от нервов, ничего смертельного, нужно учиться справляться со стрессом.

Да только за столько лет научиться так и не удалось.

Поэтому присутствие кого-то в комнате дарило чувство безопасности.

Сдавшись под действием снотворного компонента, Гу Цзицин быстро погрузился в полузабытьё.

Ему снилось, будто они с Чжоу Цыбаем всё ещё моют Сяобая. Только волкодав внезапно превратился в крошечного грязного самоедика, а сам Чжоу Цыбай — в пухлощёкого мальчугана.

У мальчишки были удивительно яркие глаза и длинные пушистые ресницы. Смывая грязь со щенка, он поджимал губы и со всей строгостью велел малышу не крутиться.

Мальчуган казался невероятно милым, и Гу Цзицин хотел узнать его имя, но тут подошёл учитель, и незнакомцу пришлось уйти.

До ушей долетел лишь короткий звук — «Чжоу».

Фамилия это была или имя, он так и не понял. Больше он того мальчика в школе не встречал.

Лишь спасённого самоедика старший брат по его умоляющей просьбе разрешил оставить в доме Гу. Щенка назвали Чжоучжоу, и он стал единственной отрадой мальчика в холодном родительском доме.

Сон уводил всё глубже, тело знобило, а в голове шумело — казалось, он снова вернулся в тот год, когда в Наньу бушевала эпидемия гриппа.

Тогда они слегли с жаром вместе со старшим братом.

Весь дом ходил ходуном.

Ему было так плохо, так хотелось, чтобы мама просто побыла рядом... Но он знал: мама сидит у постели старшего брата. Все заботились только о брате.

И ему оставалось лишь крепко прижимать к себе Чжоучжоу, ища спасения и тепла в верном пушистом друге — единственном, кто принадлежал только ему.

Чжоучжоу всегда отличался кротким нравом, но сегодня почему-то крутился и щекотал щёку.

Обессиленный Гу Цзицин сипло, с трудом прошептал:

— Чжоучжоу...

Чжоу Цыбай, трогавший ладонью его лоб, замер как вкопанный.

«Он зовёт меня по имени?»

Но ведь в бреду зовут только самых близких, тех, кому верят без оглядки!

С какого перепуга он...

«Чёрт!»

Вспомнив вчерашние слова благодарности, Чжоу Цыбай почувствовал, как сердце снова пустилось вскачь, и поспешил отдёргнуть руку.

Но Гу Цзицин перехватил его пальцы.

Всегда сдержанный, невероятно спокойный Гу Цзицин вдруг по-детски капризно, будто ворча на назойливого щенка, пробормотал:

— Не крутись...

Чжоу Цыбай обомлел, боясь шевельнуться.

Ему оставалось только смириться с тем, что его правую руку крепко сжали. Он наблюдал, как юноша доверчиво прижимается горячей щёкой к его ладони, чувствуя, как нежная, пышущая жаром кожа касается его пальцев. Сжав левый кулак, Чжоу Цыбай изо всех сил убеждал себя: «То, что он зовёт меня, ещё ничего не значит. Он не обязательно влюблён! Вдруг ему снится кошмар? Или сегодняшнее происшествие? Или в бесспамятстве он просто просит о помощи? Да, точно, именно так!»

Кое-как урезонив себя и с трудом заставив сердце биться ровнее, Чжоу Цыбай с преувеличенно невозмутимым видом вознамерился высвободить руку, чтобы разбудить сокурсника и дать ему лекарство.

Но едва он шевельнулся, как Гу Цзицин сдавленно прошептал:

— Чжоучжоу, ну не уходи... Чжи-Чжи любит тебя. У Чжи-Чжи кроме тебя никого нет. Дай мне тебя обнять, пожалуйста...

Привычно прохладный голосок из-за простуды звучал тихо, с едва различимыми нотками детской обиды и глубокой, так и не скрытой печали.

И эти исполненные тоски слова — «Чжи-Чжи любит тебя, у Чжи-Чжи кроме тебя никого нет» — рухнули на Чжоу Цыбая словно метеорит.

Его уверенность, и без того трещавшая по швам, разлетелась в пыль. Вся логика, самообладание и здравый смысл сгорели дотла, оставив в гудящей голове лишь одну оглушительную мысль:

«Гу Цзицин любит его».

<http://bllate.org/book/20143/1992113>